

18+
Роман
Вяземская

ИЗМЕНА

Моя (не)
правильная жизнь

Рита Вяземская

**Измена. Моя (не)
правильная жизнь**

«Издательские решения»

Вяземская Р.

Измена. Моя (не) правильная жизнь / Р. Вяземская —
«Издательские решения»,

Мой муж — честный подлец. Изменил. Сознался. Развелся. Хм... После 22 лет брака мой муж уходит к молодой любовнице. А я нахожу утешение в курортном романе и вскоре узнаю о беременности. Эта новость заставляет меня собрать жизнь заново. Но по иронии судьбы отец моего будущего ребенка оказывается мужчиной, с которым встречается моя дочь.

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	11
ГЛАВА 4	14
ГЛАВА 5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Измена. Моя (не) правильная жизнь

Рита Вяземская

© Рита Вяземская, 2026

ISBN 978-5-0070-7547-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Я всегда считала, что у нас идеальная история.

Любовь, о которой пишут в книгах, где самый дерзкий дворовый хулиган выбирает тихую, правильную девочку и меняется ради нее.

Глеб был именно таким — плохишом, в которого влюблялись все девчата в нашем районе. Но он выбрал меня.

Мы поженились сразу после школы, когда мне едва исполнилось восемнадцать. Я сразу забеременела Алиной, потом, через три года, родился Максим.

Мы вместе прошли весь путь: от копеечных съемных комнат и долгов до его крупного бизнеса и нашей огромной, залитой светом квартиры в центре.

Двадцать два года законного брака. Двадцать два года преданности.

Я ждала его к ужину. Навела порядок, запекла рыбу с овощами — Глеб любил правильное питание, а я, как бывший спортсмен и действующий тренер-реабилитолог, строго следила за его рационом.

Сын Максим уехал готовиться к тестам с друзьями, дочь Алина гуляла. Мы должны были остаться вдвоем.

Глеб пришел в начале десятого. Он не разулся сразу, как делал обычно, а остановился в прихожей. Скинул дорогое пальто на пуфик и замер, глядя на свои ботинки.

— Пахнет вкусно, — глухо произнес он, проходя на кухню.

— Твоя любимая форель, — я улыбнулась, потянувшись к нему для привычного поцелуя.

Глеб слегка отклонил голову. Мои губы мазнули по его холодной щеке. Внутри шевельнулось нехорошее предчувствие, но я отогнала его. Наверное, тяжелый день. На работе у него вечные стрессы, логистика — сложная штука.

— Садись, я налью чай, — я потянулась к чайнику.

— Аня, сядь. Пожалуйста.

Его голос прозвучал слишком тихо и сухо. Так он разговаривал на деловых переговорах, когда готовился объявить партнерам о разрыве контракта.

Я медленно опустила руку и села на стул напротив него. Между нами на полированном дереве стола стояли две тарелки.

Глеб сцепил пальцы в замок. Он смотрел не на меня, а на фарфоровую солонку.

— Нам нужно развестись, — сказал он.

Воздух в легких мгновенно закончился. Я попыталась сделать вдох, но горло словно сжало спазмом. Я молча смотрела на его руки, на его дорогие часы, которые сама подарила ему на сорокалетие.

— Что? — мой голос прозвучал как чужой, сиплый и тихий.

— Нам нужно развестись, — повторил он громче и наконец поднял на меня глаза. Те самые серые глаза, которые когда-то лишали меня сна в юности. Теперь они были чужими. — Я благодарен тебе за все, Ань. За детей, за дом, за этот тыл. Но я больше не могу так жить. Я устал притворяться.

— Притворяться? — я вцепилась пальцами в край стола, чтобы унять внезапно начавшуюся дрожь в руках. — Глеб, мы вместе больше двадцати лет. Какое притворство? О чем ты говоришь?

— В этом и проблема, — он тяжело вздохнул и откинулся на спинку стула. — Двадцать два года. Мы поженились детьми, Аня. Мы выросли, но выросли в разные стороны. Посмотри на нас. У тебя свой маленький, безопасный мир. Твои детские тренировки, твои травмированные спортсмены, обеды — ужины, дети, которые уже выросли. А я? Я летаю по миру, открываю

филиалы, общаюсь с другими людьми. Мне стало скучно. Пресно. Наша любовь превратилась в привычку, а постель — в супружескую обязанность по расписанию.

Каждое его слово ложилось на меня тяжелым бетонным блоком. Мне хотелось закричать, бросить в него эту тарелку с рыбой, которую я так бережно запекала, но тело онемело. Спорт научил меня держать удар, но к такому удару меня никто не готовил.

— Скучно, — повторила я, пробуя это слово на вкус. Оно горчило. — Тебе просто стало скучно...

— Да, — жестко ответил он. — И я не хочу так доживать свою жизнь. Мне сорок два, Аня. Я хочу чувствовать себя живым. Хочу огня, эмоций, страсти. И я встретил женщину, которая мне все это дает.

Я заставила себя выпрямить спину. Плечи ныли, словно я только что отстояла многочасовую тренировку на износ.

— Ее зовут Милана? — спросила я, вспомнив молодую блондинку из его отдела маркетинга, которую он слишком часто хвалил в последнее время.

Глеб слегка удивился, но быстро вернул лицу каменное выражение.

— Да. Ей двадцать пять. И с ней я снова чувствую себя молодым. Она дает мне стимул двигаться дальше. Я понимаю, что поступаю как подлец. Осуждай меня, кричи, если хочешь. Но я хочу быть честным. Я не хочу больше спать с тобой и думать о другой.

— Честным? — я издала короткий, хриплый смешок. — Ты называешь это честностью? Прийти и выбросить двадцать два года моей жизни на помойку, потому что тебе захотелось «огня»? Глеб, я вышла за тебя в восемнадцать. Я не видела ничего, кроме твоих проблем, твоих долгов, твоих первых шагов в бизнесе. Я стирала твои грязные вещи, когда у нас не было денег на стиральную машину. А теперь я стала «пресной»?

Глеб поморщился, словно у него заболел зуб. Он не любил, когда ему напоминали о бедном прошлом.

— Я оставлю тебе эту квартиру. Открою счет на твоё имя. Буду полностью содержать детей. Алименты, учеба, твоё содержание — всё на мне. Обижена ты не будешь, Аня. Но жить здесь я больше не могу.

Он поднялся со стула. На секунду мне показалось, что он хочет подойти и коснуться моего плеча, но он передумал. Повернулся и направился в спальню.

Я сидела неподвижно. В ушах стоял странный гул, похожий на шум далекого поезда. Наша идеальная, книжная любовь рассыпалась на мелкие, грязные осколки. И склеить ее было невозможно.

Из спальни донесся резкий звук застегивающейся молнии на чемодане. Глеб не собирался тянуть. Он все спланировал заранее.

Я медленно поднялась и пошла за ним. Оперлась о косяк двери нашей спальни. На кровати лежал большой кожаный чемодан, куда мой муж методично складывал свои дорогие рубашки и костюмы. Те самые, которые я еще вчера бережно гладила.

— Ты уходишь прямо сейчас? — спросила я, удивляясь собственному ледяному тону. Внутри меня словно выжгли все эмоции, оставив только холодную, звенящую пустоту.

— Да, — не оборачиваясь, ответил Глеб. — Я сниму номер в отеле, пока Милана подыскивает нам постоянное жилье. Так будет лучше для всех. Меньше сцен, меньше слез.

— Я не собираюсь плакать, Глеб, — тихо произнесла я.

Он на секунду замер, держа в руках галстук, затем бросил его в чемодан и резко закрыл крышку. Защелкнул замки. Повернулся ко мне, держа чемодан за ручку. В его глазах промелькнуло что-то похожее на вину, но оно быстро сменилось привычной мужской уверенностью.

— Прости, Аня. Но так будет лучше.

Он прошел мимо меня. Я не шевельнулась.

В прихожей хлопнула тяжелая входная дверь. Этот звук эхом разнесся по нашей огромной, теперь уже пустой квартире.

Я вернулась на кухню. Села на стул. Посмотрела на остывающий ужин.

Двадцать два года брака. Двадцать два года моей преданности, любви и заботы были стерты за пять минут просто потому, что сорокадвухлетнему «плохишу» захотелось погорячее.

ГЛАВА 2

Ночь прошла в каком-то полузабытии. Я не ложилась. Сидела в гостиной на диване, тупо глядя на стену. За окном медленно серело небо, город просыпался, наполнялся привычным шумом машин и спешащих на работу людей. Моя жизнь остановилась, но мир вокруг этого даже не заметил.

Около десяти утра в прихожей зашуршал замок. Я невольно выпрямилась. Глеб? Вернулся? Глупая, наивная надежда на секунду обожгла горло.

Но вошла Алина. Дочь бросила ключи на тумбочку, мельком взглянула на свое отражение в зеркале и, что-то весело напевая под нос, прошла в свою комнату.

Я поднялась и пошла за ней. Дверь в ее спальню была приоткрыта. Алина стояла перед шкафом, доставая со вешалок свои лучшие платья и складывая их на кровать. Рядом уже лежал открытый дорожный рюкзак.

— Алина? — тихо позвала я.

Дочь вздрогнула, обернулась. На ее хорошеньком лице, так похожем на мое в юности, промелькнуло мимолетное раздражение.

— О, мам, привет. Ты дома? Я думала, у тебя тренировка с утра.

— Твой отец ушел вчера, — сказала я, проигнорировав ее вопрос. — Он подал на развод.

Алина не удивилась. Она даже не вскинула брови. Просто повернулась обратно к шкафу и сняла очередную блузку.

— Да, я знаю. Папа предупредил меня еще неделю назад. Сказал, что так будет лучше для всех.

Эти слова ударили сильнее, чем вчерашнее признание Глеба. Моя собственная дочь знала обо всем заранее. Знала и молчала. Смотрела, как я планирую семейные выходные, запекаю рыбу, жду мужа. Она просто наблюдала за этой комедией.

— Ты знала? — я сделала шаг в комнату. — И ничего мне не сказала?

— А что я должна была сказать, мам? — Алина раздраженно дернула плечом. — Чтобы вы устроили скандал на неделю раньше? Папа взрослый человек, он имеет право на свое счастье. С Миланой он светится. Она, кстати, классная. Мы вчера вместе ходили на шоппинг, она подарила мне сумку, о которой я полгода мечтала.

Я смотрела на свою дочь и не узнавала ее. Я сама учила ее ходить, лечила ее детские простуды, дула на разбитые коленки. Я засыпала под ее дыхание, когда она была маленькой. Теперь она стояла передо мной и защищала чужую женщину, которая только что разрушила наш дом. Просто потому, что эта женщина купила ей дорогую сумку.

— Она разрушила нашу семью, Алина. Твой отец предал меня.

— Ой, мам, не начинай свою драму, ладно? — дочь резко повернулась ко мне, скрестив руки на груди. — Какая семья? Вы последние пять лет жили как соседи. Папа вечно на работе, ты — в своем зале с калекками. Тебе ничего не интересно, кроме твоих реабилитационных программ. С тобой скучно! Папе нужен был поток свежего воздуха. А ты сейчас начнешь плакать, давить на жалость, устраивать тут склеп. Я не хочу в этом участвовать.

— Поэтому ты уезжаешь? — я кивнула на рюкзак.

— Да. Папа снял для нас временные апартаменты в центре. Там бассейн, спортзал прямо на крыше. И Милана обещала познакомить меня с сыном папиного партнера по бизнесу. Там другая жизнь, понимаешь? Яркая. А здесь... — она обвела взглядом комнату. — Здесь просто тоска. Извини, мам, но я выбираю себя.

Она отвернулась и продолжила складывать вещи. Я стояла в проеме двери, чувствуя, как внутри все каменеет. Возразить было нечего. Моя дочь сделала свой выбор. Она выбрала блестящую обертку, дорогую сумку и молодую, «веселую» мачеху.

Я молча развернулась и пошла по коридору. Из своей комнаты вышел Максим. Он стоял у стены, скрестив руки на груди. На его бледном лице застыло выражение глухого гнева. Он слышал весь разговор.

— Тварь, — тихо, но отчетливо произнес сын вслед сестре.

— Макс, не надо, — я коснулась его плеча. Рука дрожала.

— Она дура, мам. Не обращай внимания. Папа купил ее, как дешевую игрушку. Но поверь, это ей еще аукнется.

Максим взял меня за локоть и мягко увел в свою комнату. Там было чисто, на столе стоял открытый ноутбук. Сын усадил меня на стул, а сам присел на корточки рядом. Его глаза, серые, как у отца, но теплые и понимающие, смотрели на меня с беспокойством.

— Мам, тебе нельзя здесь оставаться.

— О чем ты, сынок? У меня работа, клиенты... — я попыталась ухватиться за привычную рутину, как за спасательный круг.

— Твои клиенты подождут. Ты работаешь от силы пару раз в неделю, берешь только сложных после травм. Я уже позвонил твоему администратору в зал и сказал, что ты берешь отпуск на две недели по семейным обстоятельствам.

Я удивленно посмотрела на него.

— Макс, зачем?

Сын достал из кармана джинсов сложенный лист бумаги и протянул мне. Это была распечатка электронного авиабилета и ваучер на бронирование отеля в небольшом курортном городке у моря.

— Что это? — я бегло осмотрела строчки. Даты вылета стояли на завтрашнее утро.

— Это твоя путевка на море, — Максим улыбнулся, сжав мои холодные пальцы. — Я сам все забронировал. Если ты останешься в этой квартире, ты себя заживо похоронишь. Будешь ходить по углам, вспоминать отца, плакать. Уезжай. На две недели. Отключи телефон.

— Макс, я не могу взять и уехать... — слезы впервые подступили к глазам, в горле застрял тугой ком.

— Можешь и уедешь, — твердо пресек он мои возражения. — Я уже взрослый, мам. Мне восемнадцать. Я справлюсь. Буду готовиться к тестам, никто мне мешать не будет. Отец оплатил мою учебу вперед, так что за меня не переживай. А вот за тебя у меня сердце не на месте. Улетай завтра. Сделай это ради меня и для себя.

Я посмотрела на сына. В его глазах было столько взрослой, мужской решимости, что спорить стало бесполезно. Мой маленький мальчик вырос и стал настоящим мужчиной в тот самый момент, когда его отец перестал им быть.

Я прижала Максима к себе. Он обнял меня за плечи, тихо похлопывая по спине.

— Спасибо, родной, — прошептала я в его макушку.

В прихожей снова хлопнула дверь. Алина ушла, унося с собой рюкзак и часть моей души. Но рядом остался сын. И ради него я должна была выжить.

ГЛАВА 3

Первые четыре дня на море слились для меня в одну сплошную, серую полосу. Я почти не выходила из своего одноместного номера в небольшом отеле с видом на пляж.

Спала, смотрела в потолок, слушала шум прибоя и заставляла себя есть. Внутри было так пусто и холодно, будто Глеб, уходя, забрал с собой не просто чемодан с вещами, а всю мою способность чувствовать.

Я постоянно думала о нашей юности. Вспоминала, как он дрался за меня за школой, как приносил охапки полевых ромашек, как обещал, что мы всегда будем вместе.

Где остался тот Глеб?

И когда тот дворовый романтик превратился в холеного циника, променявшего меня на сумку для дочери и молодое тело в постели?

Ответов не было.

На пятый день я поняла, что если останусь в четырех стенах еще на пару часов, то просто сойду с ума.

Я натянула свободный льняной сарафан, убрала волосы в тугой хвост и вышла на пляж.

Время близилось к полудню. Людей у воды было немного — сезон только начинался, и легкий ветер с моря еще приносил прохладу.

Я шла по самому краю прибоя, позволяя соленой пене омыwać ступни. Песок под ногами был влажным и тяжелым.

Я так глубоко ушла в свои мысли, что не заметила мужчину, шедшего мне навстречу. Он только что вышел из воды, на ходу вытирая мокрые темные волосы коротким полотенцем.

Я поздно увидела его, попыталась резко свернуть в сторону, но нога скользнула по мокрому камню, скрытому под водой. Я покачнулась, теряя равновесие, и моя холщовая сумка соскользнула с плеча. Солнцезащитные очки, крем и книга вывалились прямо на мокрый песок.

— Осторожнее, — раздался низкий, спокойный голос.

Мужчина быстро присел и начал собирать мои вещи прежде, чем их успела накрыть очередная набежавшая волна. Я замерла, чувствуя себя глупо и неловко.

— Извините, — пробормотала я, присаживаясь рядом. — Задумалась.

— Я заметил, — он протянул мне спасенную книгу и очки. Его пальцы на секунду коснулись моих — они были теплыми, несмотря на то, что он только что вышел из прохладного моря. — Вы последние полчаса ходите по берегу с таким лицом, будто море вам что-то задолжало.

Я подняла голову и встретила с ним взглядом. Серые, очень внимательные глаза смотрели на меня без насмешки, скорее с мягким, ненавязчивым интересом. Короткая стрижка, легкая небритость, резкие черты лица, сильные плечи. Он выглядел моложе моего бывшего мужа, но в его осанке и взгляде чувствовалась зрелая, уверенная сила.

— Скорее, это я задолжала морю немного внимания, — тихо ответила я, забирая вещи и поднимаясь на ноги.

— Меня зовут Руслан, — он поднялся следом, накинув полотенце на шею.

— Анна.

— Приятно познакомиться, Анна. Постарайтесь больше не падать. Камни здесь коварные.

Он слегка кивнул, улыбнулся одними уголками губ и пошел дальше в сторону отелей. Я смотрела ему в спину, чувствуя, как оцепенение, сковывавшее меня последние дни, начинает медленно отступать. В его коротком присутствии было что-то заземляющее, возвращающее в реальность.

Вечером я решила не заказывать ужин в номер. Вместо этого спустилась на набережную и нашла маленькое кафе у самой воды. Столики здесь стояли прямо на деревянном помосте, а над головой покачивались бумажные фонарики.

Я заказала бокал белого вина и салат. Любовалась тем, как солнце медленно опускается за горизонт, окрашивая воду в багровые тона. Легкий ветерок шевелил подол моего сарафана. Я сделала глоток вина, чувствуя, как напряжение в плечах постепенно уходит.

— Одиночество вредит хорошему ужину, — раздался знакомый голос.

Я обернулась. Руслан стоял у соседнего столика. Сейчас он был в свободной темной рубашке и светлых брюках. В одежде он выглядел еще более презентабельно и уверенно.

— Вы преследуете меня, Руслан? — спросила я, слегка приподняв бровь.

— Напротив, спасаю, — он тепло улыбнулся. — В этом кафе варят лучший кофе на побережье, а пить его в одиночестве с таким грустным лицом — настоящее преступление. Разрешите присесть?

Я колебалась всего секунду. Дома, в прошлой жизни, я бы вежливо отказалась. Я была правильной женой, которая не позволяла себе флирт с незнакомцами.

Но сейчас той жизни больше не существовало. Я была одна. Свободна. И мне отчаянно хотелось простого человеческого общения.

— Присаживайтесь, — я кивнула на свободный стул напротив.

Руслан сел, сделал заказ подошедшему официанту и посмотрел на меня.

— Давай договоримся, Анна, — произнес он, опираясь локтями о стол. — Никакого прошлого. Мы не говорим о работе, о бывших, о проблемах и планах на будущее. Здесь и сейчас есть только этот вечер, это море и мы. Идет?

Эти правила показались мне идеальными. Меньше всего на свете мне хотелось рассказывать о Глебе, об Алине, о своей разрушенной жизни. Я хотела стереть себя прошлую хотя бы на эти две недели.

— Идет, — согласилась я. — Никакого прошлого.

— Отлично, — Руслан поднял свою чашку с кофе. — За правильный отпуск.

Мы разговаривали обо всем и ни о чем. Обсуждали местную кухню, музыку, которая тихо играла в кафе, спорили о книгах. Руслан оказался потрясающим собеседником — умным, тонким, умеющим слушать. Он не пытался казаться лучше, чем есть, не сыпал дешевыми комплиментами, как делали многие мужчины его статуса.

С каждым его словом, с каждым взглядом я чувствовала, как внутри меня отогревается что-то давно замерзшее. Я ловила себя на том, что искренне смеюсь над его шутками.

Моя кожа чутко реагировала на его близкий голос, на случайные прикосновения, когда он передавал мне меню или салфетку.

— Знаешь, Анна, — негромко произнес Руслан, когда вечер подошел к концу, а фонарики над нашими головами стали светить ярче. — У тебя удивительная улыбка. Тебе нужно улыбаться чаще. Грусть тебе не идет.

Я опустила глаза, чувствуя, как к щекам приливает тепло.

— Я давно не улыбалась, Руслан. Забыла, как это делается.

— Я помогу тебе вспомнить, — тихо, но очень твердо пообещал он.

Мы вышли из кафе и медленно пошли по ночной набережной. Шум прибоя успокаивал. Руслан шел рядом, держа руки в карманах брюк. Он не пытался взять меня за руку, не нарушал моих личных границ, но его присутствие дарило мне странное, давно забытое чувство безопасности.

Провожая меня до дверей отеля, он мягко коснулся моей щеки ладонью.

— До завтра, Анна.

— До завтра, Руслан.

Я зашла в свой номер, прислонилась спиной к закрытой двери и прикрыла глаза. Мое дыхание было глубоким и ровным.

Впервые за долгое время я не думала о Глебе. Я думала о другом мужчине. И о том, что завтрашний день я жду с нетерпением. Возможно, мой бывший муж не так уж и не прав. Мы — это просто привычка...

ГЛАВА 4

Следующие десять дней пролетели как один короткий, сумасшедший выдох. Я словно выключила в своей голове все датчики, отвечающие за прошлое и будущее. Был только теплый морской песок, соленый ветер в волосах и Руслан.

Мы проводили вместе все время. Мы исследовали дикие пляжи, где не было ни души, обедали в крошечных тавернах для местных, много плавали и разговаривали. С ним было легко. Я ловила себя на том, что больше не подбираю слова, прежде чем что-то сказать. Не пытаюсь казаться правильной, удобной, идеальной. Я была собой.

Физическая близость между нами случилась так же естественно, как набегает волна на берег. Это произошло на восьмой день моего отпуска. Мы допоздна засиделись на веранде моего номера, слушая шепот прибоя. В воздухе пахло нагретой за день хвоей и солью.

Руслан сидел рядом на плетёном диване. Его рука лежала на спинке, едва касаясь моих волос.

— О чем ты думаешь, Аня? — тихо спросил он. Его взгляд скользнул по моему лицу, задерживаясь на губах.

— О том, что мне впервые за много лет легко, — честно призналась я. — Легко и свободно.

Руслан ничего не ответил. Он мягко взял меня за подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза, а затем медленно приблизился. Его поцелуй был неторопливым, глубоким, пахнущим морем и терпким вином.

Когда мы переместились в комнату, я полностью отдалась ощущениям. Моя кожа чутко реагировала на тепло его сильных ладоней, на тяжелое, частое дыхание у моего уха.

Глеб последние годы прикасался ко мне механически, словно выполняя обязательный пункт в своем ежедневнике.

С Русланом все было иначе.

Его страсть была концентрированной, жадной, но при этом удивительно нежной. Он изучал мое тело так, будто я была самым ценным сокровищем на этом побережье. Он заставлял меня гореть, выжимал из меня все накопившиеся слезы и обиды через стоны и объятия. В ту ночь я наконец-то почувствовала себя живой. Красивой. Желанной.

Каждый раз, когда он прикасался к моему телу, я забывала обо всём. Раньше я думала, что умею получать удовольствие в сексе. Ошибалась...

Мне в принципе не с чем было сравнивать мужа. Он был моим первым и единственным мужчиной. Меня всё устраивало, с ним было хорошо. Очень.

Но другой мужчина показал мне другую меня. Я узнала, как глубоко я могу чувствовать, как безусловно открываться, стогать и снова возрождаться именно с Русланом.

Может всё дело было в отсутствии планов на будущее и каких-то ожиданий? Не знаю. Я просто ловила себя на ощущении этого мимолетного счастья и наслаждалась каждым мгновением.

И вот наступил последний день. Четырнадцатый.

Мой чемодан стоял в углу номера, аккуратно застегнутый. Я сидела на кровати, чувствуя, как реальность неумолимо затягивает меня обратно в свои холодные тиски. Сказка подходила к концу.

Руслан заехал за мной на такси, чтобы отвезти в аэропорт. Всю дорогу мы молчали. Он держал мою руку в своей, переплетая наши пальцы. Его ладонь была горячее, и я пыталась запомнить это ощущение каждой клеточкой своей кожи.

Шумный, душный терминал аэропорта встретил нас суетой, очередями и монотонным голосом диктора, объявляющим рейсы. Это пространство контрастировало с нашей тихой,

уединенной сказкой у моря. Здесь мы снова становились чужими людьми, улетающими в разные города.

Мы остановились у зоны досмотра. Дальше мне нужно было идти одной.

Я развернулась к Руслану. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его темных глазах я впервые заметила тень сомнения. Словно он боролся с желанием нарушить наш уговор.

— Ну вот и все, — тихо произнесла я, пытаясь улыбнуться. Голос слегка дрогнул, но я заставила себя держать спину прямо. — Время платить по счетам.

— Аня, — он сжал мои плечи своими теплыми ладонями. — Ты уверена, что мы делаем все правильно? Один звонок, одна визитка...

Я мягко прикрыла его рот ладонью. От него пахло привычным кедром и табаком.

— Пожалуйста, Руслан. Не надо. Мы договорились. Сказка должна оставаться сказкой. Если мы перенесем ее в нашу реальную жизнь, она разобьется о быт, проблемы, прошлые обиды. Пусть все останется здесь. Ты подарил мне прекрасную сказку. И напомнил, что я еще могу дышать. Этого достаточно.

Он долго всматривался в мое лицо, словно пытался запечатлеть его в своей памяти. Затем тяжело вздохнул и убрал руки с моих плеч.

— Ты удивительная женщина, Анна. Сильная. Я буду помнить тебя... нас...

— Пусть всё останется в прошлом, — ответила я. — Как самое лучшее воспоминание этого года.

Руслан резко притянул меня к себе и поцеловал. Этот поцелуй отличался от всех предыдущих — он был жестким, почти отчаянным, собственническим. Он словно ставил на мне свое невидимое клеймо.

— Прощай, Аня, — прошептал он, отпуская меня.

— Прощай, Руслан.

Я развернулась и пошла к стойкам паспортного контроля. Согласно нашему уговору, обращаться было нельзя. Я шла вперед, сжимая в руке паспорт, чувствуя, как за спиной закрывается дверь в мою двухнедельную сказку.

Я не обернулась. Но когда зашла в зону дьюти-фри, прислонилась к стеклянной стене, глядя на взлетную полосу. Мое дыхание было неровным, но на губах играла слабая улыбка.

Я возвращалась в пустую квартиру, к бракоразводному процессу и предательству дочери. Но теперь я знала: я не сломаюсь. Я выживу. Потому что я снова научилась дышать.

ГЛАВА 5

Кабинет нотариуса пах старой бумагой, дешевым пластиком и остывшим кофе. Серая, унылая обстановка, в которой чужие люди за тридцать минут официально стирали двадцать один год моей жизни.

Я приехала на встречу на десять минут раньше. Сидела на жестком кожаном стуле, разглаживая складки на своей серой юбке, и смотрела на капли дождя, стекающие по оконному стеклу. Море осталось далеко, но внутри меня все еще жил его теплый, соленый запах. Он помогал мне держать спину ровно.

Глеб вошел ровно в назначенное время. Как всегда, безупречный, в дорогом итальянском костюме, пахнувший хорошим парфюмом. На его лице застыла привычная маска уверенного в себе бизнесмена, но когда наши глаза встретились, он едва заметно стушевался. Наверное, ожидал увидеть меня заплаканной, с темными кругами под глазами и дрожащими руками.

Но я смотрела на него спокойно. Внутри меня больше не было той удушающей боли, которая резала грудную клетку в день его ухода.

Я видела перед собой просто мужчину. Симпатичного, стареющего Глеба, который когда-то был моим мужем.

Волшебство дворового «плохиша», которое я сама себе придумала и лелеяла годами, окончательно испарилось.

— Привет, — негромко произнес он, присаживаясь за стол напротив меня.

— Здравствуй.

Нотариус — пожилая женщина в строгих очках — монотонно зачитала условия нашего соглашения. Квартира оставалась мне, Глеб обязался выплачивать фиксированную, довольно крупную сумму на содержание Максима до окончания его учебы. АLINE он уже выделил отдельный бюджет. Спорить было не о чем.

Так же Глеб обязался выплачивать фиксированную, довольно крупную сумму на содержание Максима до окончания его учебы. АLINE он уже выделил отдельный бюджет. Спорить было не о чем.

— Прошу, подпишите здесь и здесь, — нотариус протянула нам ручки и развернула листы договора.

Я взяла ручку и уверенно поставила свою подпись. Ни один мускул на моем лице не дрогнул.

Глеб медлил. Он крутил ручку в пальцах, то и дело бросая на меня удивленные, почти раздраженные взгляды.

Мое ледяное спокойствие явно его задевало.

Он привык, что я всегда бурно реагирую на его поступки — плачу, спорю, пытаюсь достучаться. Мое равнодушие лишало его привычной мужской власти надо мной.

— Ты даже не устроишь скандал? — не выдержал он, когда нотариус на минуту отлучилась, чтобы поставить печати.

Его голос прозвучал с явной обидой.

— Тебе действительно настолько наплевать, Аня? Двадцать лет брака, а ты подписываешь бумаги так, словно это договор на покупку микроволновки.

Я медленно перевела на него взгляд.

— А чего ты ждал, Глеб? Слез? Молений вернуться? Ты сам сказал, что наша любовь стала привычкой. Я просто избавила тебя от этой привычки. Подпиши бумаги, у меня мало времени.

Его челюсть сжалась. Он резко притянул к себе лист и размашисто расписался.

Через пять минут все было кончено. Мы вышли из душного офиса на крыльцо. Дождь усилился, разбиваясь о серый асфальт.

— Тебя подвезти? — спросил Глеб, доставая ключи от машины. — Я на колесах.

— Не нужно. Я вызову такси, — ответила я, не оборачиваясь.

— Аня, — он сделал шаг ко мне, пытаясь перехватить мою руку. — Насчет Алины... Она переживает. Извини ее за те слова. Она молодая, глупая еще.

Я аккуратно убрала руку в карман пальто, не позволяя ему коснуться моей кожи.

— Алина сделала свой выбор. Как и ты. Обсуждать мне с тобой больше нечего, Глеб. Прощай.

Я спустилась по ступенькам и пошла к желтой машине такси, которая как раз припарковалась у обочины. Назад я не оборачивалась.

Дома было тихо. Максим ушел в библиотеку — подготовка к тестам отнимала у него все время. Комната Алины стояла пустой, идеальный порядок казался чужим и безжизненным.

Я прошла в ванную, включила теплую воду и умыла лицо. Последние несколько дней я чувствовала себя странно. Постоянная сонливость, легкая тошнота по утрам, которую я списывала на стресс после развода и акклиматизацию после поездки. Но сегодня утром, наливая себе чай, я вдруг поняла, что запах бергамота, который я всегда обожала, вызывает у меня резкое отвращение.

Но сегодня утром, наливая себе чай, я вдруг поняла, что запах бергамота, который я всегда обожала, вызывает у меня резкое отвращение.

Я посмотрела на календарь в телефоне. Задержка была уже пять дней. Для моего тридцатидевятилетнего организма, работающего как часы, это было ненормально.

Я достала из сумочки аптечный пакет, который купила по дороге от нотариуса. Внутри лежали два теста на беременность.

Пальцы онемели, когда я вскрывала пластиковую упаковку. Я затаила дыхание, глядя на проступающий розовый реагент. Время тянулось мучительно медленно. Минута. Две. Три.

На белом пластике четко, без сомнений, проступили две ярко-розовые полосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.